

Русская народная сказка

Вор (1)

Жил–был старик со старухой; у них был сын, по имени Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят:

— Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти.

Отвечал им Иван:

— Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса.

Выкормили его до уса и говорят:

— Ну, сынок, мы кормили тебя до уса, теперь ты корми нас до самой смерти.

— Эх, батюшка, и ты, матушка, — отвечает сын, — когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды.

Нечего делать, кормили–поили его старики до бороды, а после и говорят:

— Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти.

— А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!

Тут старик не выдержал, пошел к барину бить челом на сына.

Призывает господин Ивана:

— Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?

— Да чем кормить–то? Разве воровать прикажете? Работать я не учился, а теперь и учиться поздно.

— А по мне как знаешь, — говорит ему барин, — хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!

Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошел он париться; а дело–то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать:

— Эй, кто там есть? Подать босовики!

А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унес домой.

— На, батюшка, — говорит отцу, — снимай свои лапти, обувай господские сапоги.

Наутро хватился барин — нет сапогов; послал за Иваном:

— Ты унес мои сапоги?

— Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело мое!

— Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?

— Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господского приказу не хотел послушаться.

— Коли так, — говорит барин, — вот тебе мой приказ: украдь у меня черного быка из–под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей.

— Слушаю–с! — отвечает Иван.

Тотчас бросился он на деревню, стащил где–то петуха, ощипал ему перья — и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, подложил под нее петуха, а сам за кусты спрятался.

Стали плугатари вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на сторону; ощипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам.

— Что за чудо из земли выкопали! — закричали плугатари и пустились вдогонку за петухом.

Иван увидал, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увел домой.

Плугатари гонялись, гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: черного быка нет, а пестрый без хвоста.

— Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; черного–то совсем сожрал, а пестрому хвост откусил!

Пошли к барину с повинною головою:

— Помилуй, отец, бык быка съел.

— Ах вы, дурачье безмозглое, — закричал на них барин, — ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!

Позвали.

— Ты быка украл?

— Я, барин.

— Куда ж ты девал его?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Зарезал; кожу на базар снес, а мясом стану отца да мать кормить.

— Молодец, — говорит барин, — вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двести рублей, не уведешь — влеплю двести плетей!

— Изволь, барин, украду.

Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю — нет ни души, смотрит — висит на вешалке господская одежда; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам:

— Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу.

Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отперли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг все дело исправили и подвели к крыльцу оседланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком — только и видели!

На другой день спрашивает барин:

— Ну, что мой любимый жеребец?

А он еще с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном.

— Ты украл жеребца?

— Я, барин.

— Где ж он?

— Купцам продал.

— Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского наставника.

— А что, барин, за труды положишь?

— Хочешь триста рублей?

— Изволь, украду!

— А если не украдешь?

— Твоя воля; делай, что сам знаешь.

Призвал барин наставника.

— Берегись, — говорит, — стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется.

Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит.

В самую полночь пришел Иван-вор с рогозиным кошелем и стучится в окно.

— Кто ты, человече?

— Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель.

Наставник сдуру и полез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понес на колокольню. Тащил, тащил.

— Скоро ли? — спрашивает наставник.

— А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива.

Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки!

— Ох, — говорит, — правду сказывал ангел: передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!

— Терпи, спасен будешь! — отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиной в палец и написал на воротах: « Кто мимо пройдет да не ударит по кошелю три раза — да будет анафема проклят!»

Вот всякий, кто ни проходит мимо, — непременно стегнет три раза.

Идет барин:

— Что за кошель висит?

Приказал снять и его развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник.

— Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!